

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

История Александра Сокурова

Мегабессонная год. — 1993. — 21 апр. — с. 7.

Ирина Любарская

Портрет

ПРЕДСТАВЛЯЮ его. Это необходимо. Теперь. А лет пять назад казалось, что уж о ком говорить, так только о Сокурове. Причем на высоких нотах — от «люблю» до «ненавижу». Иногда — не очень тактично. Иногда — не слишком компетентно. А иногда — приписывая свою образованность и компетентность ему, любимому, или — нелюбимому.

Когда-то все это называлось «новой невской волной» кинорежиссуры. В строку писались фамилии, которые сейчас только критики и вспоминают, но во главе списка всегда, наряду с Алексеем Германом, стояло имя Александра Сокурова.

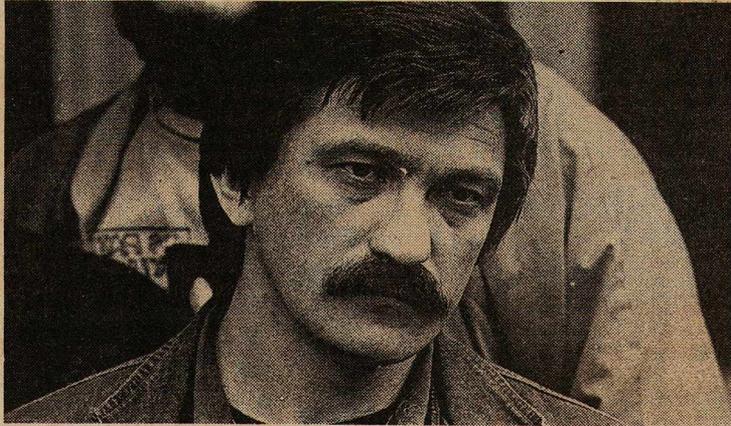
ЛЕГЕНДЫ

Первая и главная — что Сокуров является прямым и официальным наследником Андрея Тарковского в отечественном кино. Сам он это благодушно отрицает. Что касается фильмов, то можно их посмотреть и убедиться, что при некой формально-образовательной общности — это неправда. Иначе не возник бы феномен «кино Сокурова». Как известно, из эпигонов феномены не получаются.

Вторая — что он не окончил ВГИКа. Легенда смехотворная. Все это злые языки. Действительно, картина «Одинокий голос человека» не была засчитана в качестве дипломной работы, но стараниями добрых и умных людей, включая того же Тарковского, была извлечена короткометражка, с которой Сокуров когда-то поступил в институт, и за нее диплом «троечника» ему выдали. Самое поразительное, что старый очерк об областной стахановке стал в результате переработки и досьемки одним из лучших неигровых фильмов Сокурова «Мария», собравшим призы на фестивалях. Из простого сопоставления «было» — «стало» (вернее, «не стало», поскольку Мария умерла) он сделал нечто, заставляющее задуматься не просто о бренности жизни и неизбежности смерти, а о вечности.

Легенда третья — что Сокурова зажимали и зажимают, несмотря ни на какие перестройки. По-моему, главный ее инспириатор — он сам. Сокуров был единственным режиссером «авторского», суперэлитарного кино, которому подарили ретроспективу по тогдашнему ЦТ.

Говоря о «зажимах», следует помнить, что Сокуров довольно трудно шел к профессиональному мастерству, и его первые игровые работы — на самом деле лучшие в его творчестве — были во многом несовершенны технически и даже эстетически. Сейчас, спустя много лет, думаю, эти огрехи режут глаз не только ему самому, но и его поклонникам. Например, в «Одном голосе...» были такие «черные проклейки» между кадрами (когда герой закрывал глаза), а за ними следовал неожиданный ракурс на секунду прерванной ситуации — просто и хорошо, но зато крупный план того же бегущего героя отвратителен. Или, к примеру, с каким нежным чувством вспоминается бесконечное, бестелесное и бесполое щебетание и мельканье рук, волос и глаз в гениальном материале (подчеркиваю!) «Скорбного бесчув-

Александр Сокуров

ствия», который напрасно и бесчувственно был выпущен режиссером в прокат под громким (собственным) определением — «бенефис модерна». Что бы там ни говорили о сложностях работы над «закрытой», «полочной» картиной, все-таки стоит помнить хотя бы то, что модерн как эпоха в искусстве — это явление тонкое, требующее очень тщательной выделки на уровне деталей.

ДНИ ЗАТМЕНИЯ

Что я нашла (и не только я) в фильме «Дни затмения»? Ну, во-первых, я люблю серьезное, скучное кино, а не боевики. А во-вторых, вместо развития фабулы слабой повести Стругацких «За миллиард лет до конца света» картина Сокурова предлагала цепочку очень далеких отступлений от нее, начиная с кардинального изменения места действия. Эти отступления выстроили довольно вятный сюжет. Замкнув все события в выморочном, постоянно повторяющемся пространстве своего родного Красноводска в Туркмении, режиссер четко и, наверное, автобиографично реализовал название фильма. «Дни затмения» — время отсутствия надежды, нормальных условий жизни, сознательной деятельности (нельзя же назвать работой постоянное выстукивание героем какого-нибудь бреда на машинке?), будущего времени как такового. «Затмение» осмыслилось как поиск внутренней свободы человека, казалось бы, совсем несущественной на этом «краю географии», где люди живут на обочине и страны, и судьбы, и смысла человеческого бытия.

Фильм, которому прокатчицы Я. Либрис и В. Глазова (у них уже был опыт «Ассы») устроили потрясающую рекламу и премьеру в Москве: с выставкой графики Сысоева, концертами Юрия Ханина (в те же дни уходящего 1988 г. получившего первый приз «Феликс» Европейской киноакадемии за лучшую музыку к фильму), с толпой у входа в огромный ДК ЗВИ, с продажей плакатов, пластинок и даже фотографий режиссера и композитора, — так вот этот самый фильм в то время показался «массам» вполне понятным («про брежневские времена»), нескудным, наполненным своеобразным юмором.

Критики, правда, про фильм писали в основном плохо, чем раздосадовали режиссера, и часть из них он мысленно вычеркнул из числа живущих. Думаю, то же самое произойдет со мной.

Увлечшись «Днями затмения», забыла о главном: я совершенно безоглядно влюбилась в Сокурова и его кино. Поэтому некритично приняла трехчасовую версию флорберовской «Мадам Бовари» — «Спаси и сохрани». Хотя в этом фильме много холодной, до

уродства и бесстыдства, эротики и какой-то уж слишком дамской метафизики, но до сих пор помню нервные пальцы безобразно-прекрасной Сесиль Зервудаки, игравшей бедную Эмму, которая потеряла свое знаменитое имя где-то в глубинах сокуровского подсознания.

КРУГ ВТОРОЙ

...Открывается дверь, и входит сын. Постояв, он подходит к покойнику. Протягивает руку к его лицу. Открывает отцу глаза, опускается на стул рядом и долго сидит молча. В кадре — крупно лицо мертвеца с открытыми глазами. Это — ключевой эпизод. Реакция отторжения, сопровождавшая картины Сокурова в прокате, никогда не была столь естественной. Известно, публика — дура. Но вообще-то зачем человек занимается творчеством? По-моему, одна из самых экстравагантных причин — потребность публичной исповеди перед той самой «дурой». В этом смысле обратная перспектива работает только на предыдущие картины Сокурова, где он с предельной откровенностью экранизировал свою индивидуальную, болезненную и не бесспорную концепцию человека, выпавшего из обыденной жизни. Свою исповедь. Кому-то интересно. Мне.

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Я по-прежнему считаю, что явление, называвшееся «авторским кинематографом Сокурова», было очень талантливым и исповедальным экспериментом над духовной структурой личности самого автора. Но проводился он в непригодных для нормального человеческого восприятия условиях. Именно поэтому на большую часть зрителей его герой (и он сам) производил впечатление либо малахольных, либо монстров. Но это, в общем-то, зависит не столько от воли автора, сколько от веры в него зрителя. И часть из них — верила.

Кино, которое Тарковский точно назвал «важнием из времени», у Сокурова (с оговорками) превратилось в ваание из безвременья. А отсутствие такой важной культурной категории, как время, рано или поздно ставит под вопрос человечность и духовность протекающих в безвременье событий. Именно поэтому Сокуров так напряженно пыгается везде педалировать тему духовности. И даже осмеянное, но любимое мною выражение «как бы», то есть сослагательность его картин, состоит именно в процессе поиска по каким-то причинам отсутствующего у него как у личности кинематографического материала — времени. В этом поиске были и исповедальность, и духовность, и воздух. В «Круге втором» дышать совершенно нечем. Хроническое отсутствие воздуха на новом этапе

стало чрезвычайно органичным для режиссера. Исповедь режиссера Сокурова закончилась. Началась проповедь.

КИМВАЛ БРЯЦАЮЩИЙ

В «Одном голосе...» проблема фильма — внутреннее опустошение и импотенция — была не менее сложной для разговора со зрителем, чем смерть. Сопроводив последние кадры «Круга второго» музыкой, казалось бы, прочно связанной с «Одном голосом человека», Сокуров сам создал для своего творчества закрытый финал. Неизлечимая болезнь скорбного бесчувствия закончилась летальным исходом для режиссера. Конфликт человека с судьбой — и свойственный режиссеру, протекающий внутри его картин — начал развиваться не вглубь и даже не вширь. Он вообще кончил развиваться! Социальный, культурный и личный контексты погребли все под собой: и лиризм «Одного голоса...», и гротескную пародийность «Скорбного бесчувствия», и мистичность «Дней затмения», даже иронию, которой хватало в «Спаси и сохрани». Ушло все то, что убеждало: на экране не сине-фантом, а вещь рукотворная, с ее мнимыми неточностями и огрехами, которые создают ауру художественности и выражают некую личную формулу бытия.

Эта формула исчерпалась готовым, избитым ответом: все там будем. Но жизнь-то не закончилась. Просто закончилась не слишком глубокомысленная концепция одного из режиссеров, который захотел выполнить задачу Высшего суда, что априори не по плечу человеку. Человек создан, чтобы любить, а не судить. А в своих странных и, по-моему, безнадежных попытках «ощутить людей как повод для любви» Сокурову осталось только отнять, как разлагаются их тела под крышкой гроба. Как тут не вспомнить апостола Павла: «А если любви не имею...» Ведь не имеет. В поисках человека в себе он заглядывает в глаза мертвеца...

Никогда не поверю, что великое чудо жизни и смерти — это всего лишь растворение в мутно-снежной круговерти «Круга второго». Кстати, в Дантовом втором круге «Ада» речь шла, помнится, о любви Паоло и Франчески.

ПОСТСКРИПТУМ

Я почти ни словом не обмолвилась о неигровых фильмах Сокурова. Практически все они хороши и подтверждают его репутацию мастера «фестивального кино». Последнюю игровую картину режиссера с уже совершенно гробовым названием «Камень» не видела и не хочу.

По моим наблюдениям, проповедник Александр Сокуров сказал прилюдно две глупости. Первая — что художник должен ставить перед собой задачу подготовить человека к смерти. Вторая — что искать в искусстве радости не надо.

Ужасно жалко, что провинциально-обаятельное своеобразие и свежесть человеческого и художнического мировосприятия, с годами помноженные на неуспех у зрителя и успех у части эстетов, а также поездки на многочисленных западных фестивалях дали столь неожиданный и прискорбный результат. Он стал человеком, упорным в своих заблуждениях, и режиссером, снимающим среднее кино, как он сам признавался не раз, интересующее только его самого и нескольких близких ему людей.